

В. М. Полтерович

**ЭКОНОМИКА В КОНТЕКСТЕ ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
СТРАТЕГИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ РОССИИ¹**

На повестке дня стоит задача разработки стратегии для свершения «экономического чуда». Мы должны использовать благоприятную экономическую конъюнктуру и в течение 15–20 лет превзойти по душевому ВВП по крайней мере такие не самые богатые европейские страны, как Греция и Пор-

тугалия. Заметим, что в 2007 г. российский ВВП на душу населения составлял около 30 % американского, мы отставали от Португалии и Греции почти в 2 раза, от Франции, Германии, Италии — в 2,5 раза. Решить подобную задачу догоняющего развития за последние 70 лет удалось очень немногим странам. Это Япония, Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. В 1950 г. японский душевой ВВП составлял 20 % американского, в 1973 г. соотношение радикально изменилось, достигнув 66 %, в 1992-м оно

¹ Настоящий текст в основном представляет собой сокращенный вариант статьи: Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. Вып. 4. С. 3–24. См. также: Полтерович В. Элементы теории реформ. М., 2007.

равнялось уже 90 %. Тайвань и Корея начали с гораздо более низкого уровня. Душевой ВВП Тайваня составлял 9,6 % уровня США в 1950 г., 22 % — в 1973-м и достиг 53,8 % в 1992-м. Аналогичные цифры для Кореи: 9, 17 и 46 %.

Несколько европейских стран, ранее отстававших и пострадавших в результате Второй мировой войны, — Португалия, Испания, Греция — сумели затем совершить значительный рывок. Финляндия, послевоенная Франция, Ирландия в определенные периоды продемонстрировали быстрый рост, позволивший им догнать и даже обогнать своих соседей.

Практически все участники развернувшейся в российском обществе дискуссии согласны с тем, что основными целями социально-экономического развития нашей страны являются обеспечение высокого качества жизни, создание современных демократических институтов и развитого гражданского общества, поддержание высокого престижа России в мире. По мнению большинства экспертов, эффективная стратегия достижения этих целей должна предусматривать расширение частной инициативы и конкуренции; эффективную социальную и промышленную политику; налаженное взаимодействие бизнеса, государства и общества; сильное (но не чрезмерно сильное) государство; повышение качества институтов (защищенность прав собственности, независимость и неподкупность судей, снижение уровня коррупции, укрепление законности, улучшение качества государственного управления); обеспечение высокого уровня человеческого капитала; создание инновационной экономики.

Таким образом, «область согласия» достаточно широка, но имеется и ряд принципиальных расхождений относительно возможных сроков и рациональных методов решения этих задач. Прежде всего, разногласия возникают в связи с вопросом о том, должна ли стратегия модернизации опираться главным образом на методы и инструменты стимулирования экономического роста, либо следует сосредоточить усилия на совершенствовании институтов.

Сторонники «институциональной модернизации» полагают, что вмешательство неквалифицированной и коррумпированной бюрократии может только навредить экономике. Поэтому, говорят они, необходимо проводить институциональные реформы, направленные на улучшение качества государственного управления и судебной системы, подавление коррупции, устранение административных барьеров, совершенствование человеческого капитала и т. п. Если эти задачи будут решены хотя бы частично, то рынок в основном сам справится с задачей быстрого роста. А в случае трудностей ему поможет квалифицированное и честное государство.

Сторонники «проектного подхода» отмечают, что «в условиях низкой эффективности российской экономики усилия по созданию рыночных институтов слабо результативны. Сами же институты фактически работают на закрепление экспортно-сырьевой модели развития». Поэтому необходима «капитализация сравнительных преимуществ российской экономики», то есть интенсификация вложений в сектора и отрасли, обладающие потенциальной

«конкурентоспособностью». В дальнейшем доходы, полученные от реализации этих проектов, следует направить на «обеспечение технологической модернизации основной массы обрабатывающих отраслей» (см.: Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 года. М., 2007. С. 120–122).

Как правило, сторонники обеих точек зрения предполагают, что доминирующая роль в формировании стратегии модернизации принадлежит государству. Таким образом, оба подхода относятся к классу стратегий, которые мы будем называть «модернизацией сверху». Этот термин не следует понимать слишком буквально. Все авторы соответствующих программ признают, что для успеха стратегий необходимо взаимодействие государства, бизнеса и общества.

Нынешняя правительственная практика больше напоминает попытку осуществления «проектного подхода» к модернизации сверху (национальные проекты, федеральные программы, госкорпорации), а провозглашаемая государственная идеология — призыв к проведению с этой целью институциональных преобразований.

Недавно группа известных российских экономистов, объединившихся под брендом «СИГМА», предложила подход к институциональной модернизации, основанный на заключении «контракта» между государством и группами общества, коалициями, заинтересованными в защите прав и свобод граждан, в гарантиях прав собственности, развитии конкуренции и т. п. Деятельность таких коалиций, по мнению «СИГМЫ», должна за несколько лет привести к улучшению институтов, после чего может оказаться эффективной и промышленная политика (см.: Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов «СИГМА». М., 2007).

Сроки достижения целей, указываемые в проекте «СИГМЫ», вызывают серьезные сомнения. По мнению авторов программы, в течение 15–20 лет Россия должна занять «позиции мирового интеллектуального и культурного лидера... обеспечивая высокий уровень и качество жизни всего населения». Столь амбициозная цель представляется нереализуемой. Российский уровень душевого ВВП достигнут Великобританией и Францией около 40 лет назад, а США — примерно 50 лет назад. Речь идет о том, что мы должны превзойти их уровень — будущий — за 15–20 лет. Даже сверхуспешная Япония не смогла добиться такого результата. За 25–30 лет она догнала передовые страны Европы (но не США) по душевому ВВП, но интеллектуальным лидером так и не стала.

Россия — отсталая страна. Наш ВВП на душу населения составляет около 30 % американского, в 2,5–3 раза меньше, чем у ведущих европейских стран. Наша политическая культура находится на уровне Германии 1950-х гг. В сфере образования и науки мы также далеко позади развитых стран. Преодолеть такое отставание за 15–20 лет невозможно. Отметим, что «СИГМА» все же более реалистична, чем российское правительство: в выступлениях наших ведущих политиков решить аналогичные задачи предполагается за 13 лет. Экономические цели проекта ЦМАКП гораздо

скромнее: согласно его сценариям российский душевой ВВП к 2020 г. не превзойдет уровни Франции и Германии 2005 г. Вместе с тем в этом проекте ставится задача создания «рублевой зоны, на базе которой будет формироваться новый центр силы» и произойдет «экономическая и политическая интеграция пространства СНГ». Чрезмерно амбициозные цели отнюдь не безобидны: они ведут к ошибочным стратегиям, к недоиспользованию реальных возможностей.

На наш взгляд, выбор стратегии модернизации должен опираться на опыт других стран, ставивших перед собой задачу догоняющего развития. Из этого опыта, обобщенного в ряде эмпирических исследований и теоретических работ, следуют важные выводы, обсуждаемые ниже. На их основе можно наметить контуры третьего подхода, названного здесь «интерактивной модернизацией» и сочетающего, как нам кажется, преимущества двух других. Как и экономисты «СИГМЫ», мы полагаем, что стратегия модернизации должна уже на стадии ее разработки опираться на взаимодействие всех заинтересованных сторон. Однако при этом не стоит рассчитывать на быстрое возникновение структур развитого гражданского общества (как это предполагает «СИГМА»); надо использовать прежде всего те коалиции, которые преследуют собственные экономические интересы и которые в значительной мере уже сформировались в России. «Площадкой» для взаимодействия могла бы стать система индикативного (интерактивного) планирования — модернизированный аналог систем, применявшихся в большинстве стран «экономического чуда».

Выбор стратегии модернизации: где основания?

Под стратегией следует понимать траекторию изменения институтов и экономической политики, «соединяющую» текущее состояние с желательным. Задача поиска стратегии модернизации в принципе принадлежит классу проблем, изучаемых теорией реформ, но обладает существенной спецификой. Здесь «желательное состояние» фактически подбирается в итеративном процессе одновременно с решением. Кроме того, оно определяется не в институциональных терминах («провести приватизацию государственных нефтедобывающих предприятий») или не только в них, а характеризует динамику благосостояния («в течение 15 лет выйти на уровень душевого ВВП, превышающий 50 % уровня США при монотонном повышении благосостояния всех основных групп населения»). Таким образом, улучшение институтов оказывается, по крайней мере отчасти, подчиненной целью. В то же время для поддержания высоких темпов роста весь спектр институтов должен постепенно улучшаться.

Как уже отмечалось, основная трудность при выборе стратегий — высокая неопределенность будущего. Даже пятилетние прогнозы оказываются очень грубыми, не говоря уже о более долгосрочных. Тем большее значение приобретает опыт других стран, особенно тех, кому удалось решить задачу догоняющего развития. На основе обобщения этого опыта теорией реформ сформулированы рекомендации по проведению институциональных преобразований, которые следовало бы принять во

внимание при разработке и сопоставлении стратегий модернизации (наряду с прогнозом экзогенных параметров и результатами моделирования отечественной экономики).

Опыт быстрого развития

Преимущество отсталости

Как правило, у развивающейся страны есть только одно преимущество перед развитыми экономикой — «преимущество отсталости»: возможность *заимствования* уже созданных институтов, методов управления и технологий производства. Конечно, не стоит отказываться и от инноваций по отдельным направлениям. Но инновации — дорогое удовольствие, заимствовать гораздо дешевле. Технологически отставшая страна в принципе может использовать свое «преимущество» во всех отраслях, осуществив тем самым широкомасштабную модернизацию. При этом институциональные подсистемы, ответственные за собственно инновационное развитие, на первых этапах должны играть меньшую роль. Таким образом, именно задачу заимствования и следует положить в основу догоняющей стратегии. Опыт стран «экономического чуда» подтверждает этот вывод.

Например, Япония начала делать ставку на инновации только в 1980-е гг., когда по уровню душевого ВВП она сравнялась с европейскими странами. До этого японцы развивались за счет заимствования западных технологий. Приведем еще один менее известный пример. В 2007 г. М. Мартин, министр предпринимательства, торговли и занятости одной из самых богатых и быстро развивающихся стран Европы — Ирландии, написал: «Мы находимся в процессе перехода от экономики, движимой обычными инвестициями, к экономике, основанной на инновациях и знаниях». До последнего времени ее рост базировался на поощрении инвестиций и заимствовании технологий. Кстати, Ирландия живет по семилетнему плану национального развития; сейчас реализуется план на 2007–2013 гг.

Широкомасштабное заимствование требует тщательной координации усилий различных экономических агентов, высокоразвитой науки и специальных институтов. Институты заимствования — важная часть системы интерактивного управления ростом, «интерактивной модернизации» (см. ниже).

Заимствование осуществляется по четырем основным каналам: 1) импорт нового оборудования и технологий; 2) прямые иностранные инвестиции; 3) освоение новых методов организации производства в результате конкуренции на мировом рынке; 4) обучение и стажировки специалистов за рубежом. Заимствование технологии одной из отечественных фирм может облегчить ее передачу другим фирмам. Наличие этой экстерналии создает основу для эффективного государственного вмешательства. Тонкая настройка импортных тарифов, регулирование потоков капитала, поддержка экспорта, финансирование дополнительного образования — все эти инструменты использовались странами экономического чуда на разных стадиях развития.

Преждевременная ориентация на «инновационное развитие» вызывает ассоциации с политикой

«большого скачка» и может привести к неэффективному использованию, разбазариванию ресурсов. В задаче заимствования цель определена гораздо четче по сравнению с инновационным развитием. Это является важным аргументом в пользу концентрации информации и координации деятельности.

Проблема координации

В недавней речи Д. А. Медведева на V Красноярском экономическом форуме упомянуто, как одна из важных, задача углубления переработки нефти. Ее предполагается решить за счет такого выбора налогов и экспортных пошлин, чтобы стимулировать внедрение новых технологий. На самом деле подобный маневр уже отчасти реализован и дал положительный результат. Однако, как отметил в ноябрьском интервью журналу «Эксперт» один из руководителей ЛУКОЙЛа, нефтяные компании готовы совершенствовать технологии на старых заводах, но опасаются строить новые: без достаточных гарантий государства риски слишком велики.

Предоставление таких гарантий — лишь одна из необходимых мер, ибо задача достижения быстрого и устойчивого роста не сводится к поддержке отдельных отраслей. Требуется механизм, который повысил бы эффективность межотраслевых взаимодействий. Например, модернизация нефтепереработки может оказаться невыгодной из-за дороговизны соответствующего оборудования на мировом рынке. Значит, надо производить его самим. Задача упростилась бы, если бы отечественная отрасль нефтяного машиностроения заранее подготовилась к новым заказам. Но капиталовложения без гарантии спроса рискованны. Получается замкнутый круг: модернизация затрудняется из-за дороговизны нового оборудования, оборудование дорого, поскольку отечественные компании не уверены в успехе модернизации.

Аналогичная трудность возникает на стыке нефтепереработки и нефтехимии, то есть на стороне спроса на продукты нефтеперерабатывающей отрасли. Подобная проблема «стыковки» всегда сопровождает масштабные модернизации и является одним из классических обоснований государственной политики стимулирования роста.

«Органическое» инновационное развитие осуществляется сравнительно небольшими шагами, так что рынок справляется с задачей координации усилий различных агентов. С масштабными проблемами межотраслевой координации за короткое время рынок справиться не в состоянии. Для выхода из ловушки недоразвития необходима система согласованных долгосрочных планов догоняющего развития. Создание такой системы и должно составлять содержание начального этапа при реализации стратегии догоняющего развития для России. Этот тезис подтверждается опытом других стран.

Индикативное (интерактивное) планирование

Использование индикативного планирования — характерная черта экономик, которым за последние 60 лет удалось из развивающихся стать развитыми. В их числе восточноазиатские «тигры»: Япония, Южная Корея и Тайвань. Активная промышленная политика в Сингапуре также основывалась на периодически составлявшихся планах.

Эти страны сумели за два десятилетия сократить отставание от США по душевому ВВП на 30 процентных пунктов или даже более при начальном уровне около 20 %. Аналогичного успеха добились три европейские страны: Греция, Испания и Португалия, и во всех трех на начальных этапах также составлялись индикативные планы. Весьма развитая система индикативного планирования функционировала в послевоенной Франции.

Обычно на начальных этапах индикативные планы выполнялись или даже перевыполнялись по наиболее существенным показателям, а затем роль планирования постепенно снижалась. Однако исследователи подчеркивают, что основное значение системы индикативного планирования состояло не в формировании ориентировочных показателей или государственной инвестиции самих по себе, а в том, что она представляла собой регулярный механизм для взаимодействия правительства, ассоциаций бизнеса, профсоюзов и объединений потребителей, способствовала укреплению взаимного доверия и в конечном счете — достижению консенсуса и координации усилий.

Собственно говоря, именно в этом и состояла основная идея создателя индикативного планирования П. Массе. В 1965 г., описывая французскую систему, он писал: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана». В странах Восточной Азии консолидация усилий в процессах планирования и реализации планов опиралась на «слияние» государственного аппарата и бизнеса, необычное для Запада, но, как оказалось, плодотворное при плохом институциональном климате (отсюда и термин *Japan (Korea)-corporation*).

Некоторые страны — Италия, Финляндия, Норвегия, Ирландия — сумели совершить «рыбок», уже будучи на довольно высокой стадии развития. Планирование использовалось ими в разной степени. Однако исследователи отмечают решающую роль государственной политики в достижении успеха этих стран и ее сходство с политикой восточноазиатских экономик.

Итак, опыт стран, сумевших в последние шесть десятилетий реализовать успешную стратегию догоняющего развития, свидетельствует о том, что она должна опираться на достаточно развитую систему интерактивного планирования. А как же интерактивного? Верно ли, что в этих странах на этапе становления системы планирования была небольшая коррупция, честный суд, высокий уровень доверия экономических агентов друг к другу? На этот вопрос данные дают отрицательный ответ. Собственно говоря, с современных позиций сращивание государственного аппарата и бизнеса само по себе означает «слабость институтов». Даже во Франции в 1946 г., когда были разработаны первые пятилетние планы, процветал черный рынок, страну потрясли коррупционные скандалы. Улучшение

институтов было в большей мере следствием, нежели предпосылкой быстрого экономического роста.

Суммируем основные выводы, полученные выше.

1. «Модернизация сверху» не удалась ни одной стране.

2. План «институциональной модернизации» тоже не удался ни одной отсталой стране. Все «экономические чудеса» в странах, где ВВП на душу составлял 20–30 % от уровня США, начинались в условиях значительной теневой экономики, массовой коррупции, при неразвитых институтах. Институты улучшались уже в процессе экономического роста.

3. Страны, которые добились успеха, широко применяли индикативное планирование. В 1950–1970-е гг. этот инструмент играл важную роль не только в Японии, Корее и на Тайване, но и во Франции, Португалии, Испании.

4. Для обеспечения быстрого роста необходимо проводить политику, адекватную стадии развития страны, и своевременно ее менять. Это, в частности, относится к политике тарифов, накопления золотовалютных резервов, созданию крупных корпораций и поддержке малых фирм, заимствованию западных технологий и разработке собственных инноваций.

Упомянем также три тезиса, не обсуждавшихся выше.

5. Для проведения реформ страны «экономического чуда» выбирали перспективные институциональные траектории, используя стратегию промежуточных институтов и опираясь на институциональные инновации (см.: *Полтерович В. Элементы теории реформ. М., 2007*).

6. Важную роль в развитии стран Юго-Восточной Азии играла высокая норма сбережений.

7. Существенной предпосылкой быстрого роста является политическая стабильность. В странах «экономического чуда», стартовавших с низкого уровня благосостояния, она поддерживалась «доминантными» режимами, которые постепенно трансформировались в современные демократии.

Возможен ли рост без развития?

В принципе возможен, но фактически это крайне редкое явление. Среди стран, занимавших в 2005 г. первые тридцать мест по индексу человеческого развития, наименьший душевой ВВП имела Португалия. Среди остальных 147 стран только четыре превосходили Португалию по ВВП на душу: Кувейт, Катар, ОАЭ и Бахрейн. Причины аномалии ясны: эти государства живут в значительной мере за счет нефтяной ренты. По запасам углеводородов на душу населения все они намного превосходят Россию; нас этот путь не может привести к успеху. Кстати, значения индекса человеческого развития у перечисленных четырех стран были также достаточно высоки: Бахрейн — с самым низким индексом — занимал 41-е место.

Как правило, рост сопровождается развитием по ряду причин. Во-первых, по мере приближения страны к «технологической границе» заимствуемые технологии усложняются, инновации играют все большую роль, поэтому для поддержания роста требуется все более высокий уровень человеческого капитала и научных исследований. Во-вторых, рост

благосостояния ведет, с одной стороны, к увеличению спроса на образование и продукты культуры, а с другой — к расширению возможностей его удовлетворения. В-третьих, работники социальной сферы — влиятельная часть общества, интересы которой должны быть представлены и учтены в процессе интерактивной модернизации для обеспечения стабильности и создания благоприятных институциональных ожиданий.

Все же надо признать, что существуют примеры стран, где рост не приводит к адекватному развитию. Одной из них является Ботсвана, которая по ВВП на душу в 2005 г. опережала Чили, а по индексу человеческого развития занимала 124-е место, в то время как Чили — 40-е. Причина состояла в крайне низкой ожидаемой продолжительности жизни — 48,1 года — вследствие широкого распространения СПИДа.

По ожидаемой продолжительности жизни Россия тоже, хотя не так сильно и по другим причинам, отстает от стран своего уровня благосостояния. А по качеству образования и науки — опережает их. Поэтому требуются нестандартные решения, и значит, в России в процессе интерактивной модернизации представители культуры, образования и науки должны играть важную роль.

Интерактивная модернизация: контуры стратегии

Чтобы добиться «экономического чуда» в России, необходимо создать институциональную систему для выработки стратегий экономического развития, совместимую с имеющимися культурными, политическими и институциональными ограничениями, — систему интерактивного управления ростом (СИУР). Ее функционирование должно опираться на такие коалиции интересов, которые в нынешней ситуации имеют шансы стать коалициями действия.

Политическое поле сейчас закрыто. Издержки на создание политических коалиций чрезвычайно велики. Гражданское общество, правозащитные организации менее ограничены в своих действиях, но недостаточно развиты. Зато в экономическом поле уже сформировались коалиции: отраслевые ассоциации, объединения предпринимателей и потребителей, профсоюзы. Здесь гораздо больше возможностей. В условиях нынешней России «коалиции для будущего» должны создаваться прежде всего на основе экономических интересов, поскольку в таких коалициях заинтересованы и бизнес, и общество, и — до некоторой степени — власти.

Важной предпосылкой создания СИУР являются сформированные недавно институты развития: Банк развития, Российская венчурная компания, Инвестиционный фонд РФ, особые экономические зоны, технопарки, национальные проекты. Но в деятельности всех этих институтов отсутствует взаимная координация. СИУР должна организовать их в единое целое, ориентируя на заимствование технологий и поддержание быстрого роста.

Возглавлять процесс могло бы специально созданное для этой цели Федеральное агентство по стратегическому планированию, подчиненное непосредственно главе правительства. Его деятельность должна опираться, с одной стороны, на региональные

агентства по стратегическому планированию, а с другой — на систему комиссий, включающих представителей министерств, профсоюзов и других объединений работников, ассоциаций потребителей и отраслевых ассоциаций бизнеса. Должен быть разработан итеративный процесс сбора и обработки информации и согласования решений, использующий современные средства анализа.

Необходимо выработать единые требования к проектам модернизации на уровне отрасли и региона и создать систему экспертных комиссий и круглых столов для отбора и согласования таких проектов. Нужно также восстановить или создать заново систему отраслевых исследовательских институтов и информационных центров для интенсивного заимствования зарубежных технологий. Этой же цели должно быть, по крайней мере отчасти, подчинено регулирование прямых иностранных инвестиций и отечественных вложений за границей. Отметим, что масштабные закупки технологий и техники за рубежом увеличат спрос на валюту и тем самым будут способствовать замедлению скорости накопления золотовалютных резервов, а значит, и снижению инфляции.

Заключительные замечания

Специфика догоняющего развития состоит в том, что стране требуется масштабная модернизация практически всех отраслей промышленности и секторов народного хозяйства. В связи с этим возникают задачи координации инвестиций в разные отрасли. С такими задачами рынок если и справляется, то крайне медленно. Именно эта проблема должна стоять в центре стратегии догоняющего развития.

В настоящее время институциональные реформы в России не удаются, страна находится в сети институциональных ловушек. Но между институтами и ростом имеется двусторонняя связь. Поэтому есть шанс, что, поддерживая в течение определенного периода времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся.

Приведенные тезисы влекут за собой ряд других.

Во-первых, для решения задачи догоняющего развития методология использования конкурентных преимуществ (характерная для Форсайта) мало пригодна. Надо действовать широким фронтом, обращая особое внимание на «расшивку узких мест».

Во-вторых, на начальных этапах не стоит делать ставку на «технологические прорывы»: для этого у нас нет ни средств, ни соответствующей инфраструктуры; следует эффективно заимствовать западные технологии, и притом не обязательно сразу самые передовые.

В-третьих, в процесс технологического заимствования встроены сильные экстерналии эффекты, утилизация которых дает возможность сделать

его существенно более эффективным и быстрым. Для использования экстерналий необходимы специальные институты заимствования и активное участие государства.

В-четвертых, масштабное переоснащение производства, осуществление межотраслевых проектов требуют не только интенсивного взаимодействия государственных органов с отраслевыми ассоциациями бизнеса, но и непосредственного взаимодействия ассоциаций друг с другом. Значит, здесь недостаточно «точечного» государственно-частного партнерства; речь должна идти о системе, позволяющей вовлечь в процесс выработки стратегии представителей практически всех отраслей и страт общества. Экономическая заинтересованность агентов позволяет надеяться на их активное участие в этом процессе.

В-пятых, масштабное заимствование технологий будет способствовать макроэкономической стабилизации: оно увеличит спрос на иностранную валюту, снизив одновременно и скорость укрепления рубля, и темпы наращивания денежной массы.

Наконец, в-шестых, необходимо вовлекать экономические коалиции в деятельность по улучшению институтов.

Для осуществления описанной программы России необходимы партнерские отношения и с Западом, и с Востоком. Чрезмерно агрессивная политика России на внешних рынках приводит к ответным консолидированным мерам; необходимо перенести акцент на внутреннее производство. Следует помнить, что все «экономические чудеса» происходили на фоне благожелательного отношения развитых стран. Темпы экономического роста Японии и Кореи замедлились в 1980-х гг., когда США, обеспокоенные ростом дешевого импорта из этих стран, потребовали от них отказа от политики занижения реального валютного курса, обеспечивавшей им выгодные условия торговли. Отсутствие напряженности, взаимное доверие являются важнейшими предпосылками для реализации рациональной политики привлечения (и ограничения) иностранных инвестиций, развития внешнеторговых связей, массовых стажировок наших специалистов за рубежом и приобретения современных технологий.

В случае успеха через 15–20 лет СИУР постепенно перестанет играть решающую роль. По мере выхода на первый план инновационного процесса все меньше пространства останется для широкомасштабных планов модернизации. Деятельность в рамках коалиций экономических интересов улучшит массовую политическую культуру. Возрастет и будет все больше удовлетворяться потребность в законности, а затем и в демократии. Укрепление законности, в свою очередь, создаст реальные возможности для демократизации без масштабных издержек и высокого риска возврата к авторитарной системе. Вероятность неудачи на этом пути значительна, но ни опыт, ни теория не указывают более надежной альтернативы.

* * *

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА¹: — Проблемы развития для России, о которых говорил Виктор Меерович, и те

глобальные проблемы, о которых в самом начале вел речь Олег Тимофеевич, в контексте партнерства

¹ Профессор кафедры международной экономики Государственного университета гуманитарных наук (Москва), ру-

ководитель Центра социально-экономических исследований и проектов ИСК РАН, доктор экономических наук.

стран и цивилизаций зависят, на мой взгляд, от того, каким образом будет решена проблема адаптации человека, формирование человеческого потенциала, адекватного современным реалиям. Дело в том, что сейчас скорость перемен настолько велика и угрозы нарастают с такой интенсивностью, что даже если поставить цель — сохранить наш человеческий потенциал на том уровне, который был вчера и есть сегодня, нам нужно двигаться ускоренно. В связи с этим вопрос к Виктору Мееровичу. Меня всегда очень интересовали труды вашего института, поскольку еще в университете я занималась математическими методами. Каким образом этот ключевой, с моей точки зрения, фактор учитывается в работе вашего института?

В. М. ПОЛТЕРОВИЧ: — Спасибо. Вопрос затронут очень сложный, и я не уверен, что смогу дать полный ответ. Здесь есть масса подводных камней. Ответу на более простую его часть: как моделировать человеческий капитал, ведь он весьма значимо обуславливает не только рост экономик стран, но и может способствовать партнерству или обострять конфликтность. В современных макроэкономических моделях этот параметр участвует в очень многих областях, но довольно примитивным образом. Обычно человеческий капитал измеряется средним числом лет образования. Иногда разделяется начальное образование и высшее и т. д. Более развернутых и точных оценок в рамках макромоделей обычно не делают, потому что оценить человеческий капитал и его влияние на производство — очень трудная задача.

Теперь относительно того, что нам делать, как реагировать на нынешнюю ситуацию. Давайте начнем с фундаментальной науки. Возможно, я выскажу парадоксальную мысль. Сравним наш уровень фундаментальной науки с уровнем стран, находящихся на том же уровне производственного развития. Мы обнаружим, что наука и образование в России гораздо более развиты, чем, скажем, в латиноамериканских странах, и хотя наши показатели ниже, чем в европейских странах, мы довольно близки к ним. Ведь у нас была система, ориентированная на военную мощь, и она поддерживала высокий уровень фундаментальной науки и требовала хорошего образования. И, действительно, плановая система тоже этому способствовала. Как только вводится рынок, немедленно обнаруживается, что спрос на фундаментальную науку и образование экстра-класса отсутствует, потому что уровень производства низкий. Значит, у нас нет того, что поддерживает и фундаментальную науку, и образование экстра-класса на Западе. И если отпустить эту ситуацию на произвол рыночных сил, то проис-

ходит то, что происходит. То есть уровень фундаментальной науки у нас на самом деле снижается — если говорить не об общественных науках, а о математике, физике и т. д. С общественными науками немножко другая тенденция, но это связано с наследием Советского Союза. Рынок неизбежно будет тянуть нас в сторону снижения уровня, потому что нет спроса. Но наша ситуация радикально отличается от ситуации, скажем, в латиноамериканских странах. Там предстоит создать достаточно мощную фундаментальную науку, когда они выйдут на соответствующий уровень развития. А у нас он уже есть. И нам это потребуются, но только не сейчас, а через 10–15 лет или даже раньше, если мы будем быстро развиваться. Вот тогда и обнаружится, что фундаментальная наука и высокого уровня образование нам по-настоящему необходимы. А создавать его нужно в течение опять-таки многих лет. Это даже не поголовье скота, которое тоже воспроизводится не сразу. На то, чтобы создать научные школы, требуются многие годы. Поэтому нужно осознание того, что, несмотря на отсутствие спроса, нам поддерживать фундаментальную науку и высшее образование совершенно необходимо. Что касается повышения уровня человеческого капитала в других аспектах, то у нас острая нехватка специалистов среднего уровня: квалифицированных рабочих, инженеров-проектировщиков и т. д. Нужны специальные усилия государства для того, чтобы воссоздавать соответствующие школы и добиваться подготовки этих кадров. Такой спрос есть, и его нужно удовлетворять.

О. Т. БОГОМОЛОВ: — По-моему, вопрос был поставлен несколько иначе: не об образовании, а об общественном сознании, которое отстает от колоссальных перемен, совершающихся в мире. Это слабое место науки, потому что мы вообще не обращаем или не обращали внимания на то, какое влияние оказывает состояние общественного сознания, идеологии на все остальные процессы.

Я хочу дополнить то, что было затронуто в докладе Виктора Мееровича. Действительно, сегодня мы должны с большим вниманием отнестись к тем сферам общественной жизни, которые находятся вроде бы вне экономики: это идеология и основанная на ней политика, государственное устройство и эффективность государственных институтов, культура, нравственность. Эти сферы оказывают иногда решающее воздействие на успехи экономик не только отдельных стран, но и регионов, культур, цивилизаций. Нам, безусловно, нужно знать, какая модель общества рождается в результате рыночной трансформации. Что это будет: если капитализм, то цивилизованный или дикий, или смешанное общество?